

И. П. ЕРЕМИН

К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в.

В 1674 году в типографии Киево-Печерской лавры вышла в свет книга под заглавием: „Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев, о начале Славяно-Российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного Великого князя Киевского и всея России первейшаго самодержца Владимира и о наследниках благочестивыя державы его Российския...“¹ Книга вскоре приобрела широчайшую популярность и на Украине, и в России. Достаточно указать на тот факт, что уже в XVII веке она выдержала пять изданий,² а в конце XVII века была переведена на греческий язык и, по личному распоряжению Петра I, на язык латинский.

Книга содержала в себе краткий, как это подчеркивалось и ее заглавием, очерк истории древнего Киевского государства, написанный со знанием дела, на общедоступном языке, живо и занимательно. Но не только эти литературные достоинства приковали к „Синописису“ пристальное внимание широкого читателя. Секрет успеха „Синописиса“ — в острой злободневности его содержания. Книга была посвящена теме, крайне волновавшей тогда общественные и правительственные круги как „Малой“ России, так и „Великой“. В рамках внешне далекого от каких-либо публицистических задач рассказа о прошлом „Синописис“ давал ярко публицистическое истолкование этого прошлого, целиком повернутое к текущей современности. Книга предлагала вниманию читателя наиболее полное по тому времени историческое обоснование воссоединения „Малой“ России с „Великой“ и заключала в себе отнюдь не двусмысленный призыв к дальнейшей борьбе за окончательное воссоединение с Русским государством всея Украины, — не только Левобережной, но и Правобережной.

Этот публицистический подтекст „Синописиса“ до сих пор не обращал на себя должного внимания, между тем он очевиден, если учесть ту конкретно-историческую обстановку, в условиях которой книга была задумана и написана.

Как известно, Андрусовское перемирие 1667 года России с Польшей, закрепившее Левобережную Украину за Русским государством, отнюдь

¹ В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию. Подробное библиографическое описание этого издания см.: Хв. Тітов. Матеріали для історії книжної справи на Україні XVI—XVIII вв. Київ, 1924, стр. 421, 422.

² С. И. Маслов. К истории изданий киевского „Синописиса“. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 341—346.

не являлось окончательным решением вопроса о „Малой“ России уже по одному тому, что по истечении перемирия вопрос должен был встать снова. На Украине эта неясность перспектив естественно вызывала тревогу и порождала самые противоречивые слухи и предположения. В особенности волновала судьба Киева. По Андрусовскому договору город этот временно переходил под „протекцию“ царя Алексея Михайловича, но на Украине даже у людей, настроенных оптимистически, не было полной уверенности, что Киев не будет возвращен полякам. В Москве знали об этих опасениях, как знали и о том, что широкие массы населения „того боку“ Днепра готовы „обрать себе за пана и протектора“ московского государя. Уже в 1671 году руководитель внешней политики Русского государства А. С. Матвеев счел возможным начать переговоры с польским правительством относительно отмены четвертой статьи Андрусовского договора, по которой московский государь обязался в продолжение перемирия не принимать в подданство жителей Правобережья. Переговоры эти не имели успеха. Польское правительство не изъявило согласия на пересмотр договора. Положение изменилось, когда Польша, по Буджановскому соглашению с турецким султаном от 17 октября 1672 года, уступила Правобережную Украину Турции. Теперь московское правительство уже не считало себя связанным условиями четвертой статьи Андрусовского договора и приняло решение продолжать борьбу за воссоединение Украины. В надежде на мирное разрешение этой задачи московское правительство вступило в переговоры с гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко с предложением отказаться от турецкого протектората и признать власть московского царя. Несмотря на сопротивление левобережного гетмана Ивана Самойловича (он опасался, и не без оснований, что его чигиринский соперник, когда станет подданным „великого государя“, пожелает стать гетманом и „сего боку“ Днепра), переговоры с Петром Дорошенко начались уже в начале 1673 года и обещали, как многим тогда казалось, увенчаться успехом. На Украине внимательно следили за ходом этих переговоров: с ними связывались самые радужные ожидания и надежды. Прямым отражением этих надежд и явился „Синописис“.

Кем именно была написана книга, не известно. Но нет сомнения, что инициатором этого издания и его редактором был тот, „по благословиению“ кого оно и вышло в свет, — архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель. Один из влиятельнейших людей на Украине, человек умный и дальновидный, Иннокентий Гизель принадлежал к тем передовым деятелям украинской интеллигенции своего времени, которые были горячими сторонниками воссоединения Украины с Русским государством, понимали необходимость этого воссоединения и активно, каждый по мере своих сил ему содействовали. Гизель находился в личной переписке с царем Алексеем Михайловичем; охотно выполнял все его нередко очень ответственные поручения, систематически сообщал ему „секретные“ сведения о положении вещей на Украине, добывая эти сведения через своих многочисленных агентов даже в Польше.¹ К началу 70-х годов деятельность Гизеля в этом направлении приобрела такой размах, что даже вызвала неудовольствие у Ивана Самойловича: гетману стало казаться, что отец архимандрит печерский вме-

¹ В. О. Эйнгорн. Очерки из истории Малороссии в XVII в. I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899, стр. 579, 580, 765—771 и сл.

шивается в дела, до „его велебности“ совсем не относящиеся. Интересно отметить тот факт, что царь Алексей Михайлович, когда возник вопрос о возможности мирного воссоединения Правобережной Украины с Россией, именно Гизелю дал секретное поручение вступить в переговоры от имени московского правительства с Петром Дорошенко. Выполняя это поручение, Гизель написал несколько писем проживавшему тогда в Каневе киевскому митрополиту Иосифу Тукальскому — ближайшему советнику чигиринского гетмана. Одно из этих писем дошло до нас и может служить небезынтесным комментарием к „Синопису“. В письме этом — от 25 июня 1673 года¹ — Гизель обращал внимание своего корреспондента на то, что „незгода внутрения и разделение“ в эти переживаемые Правобережной Украиной „оплаканые часы“ турецкой неволи ведут только к тому, что „христиане значне в силах своих слабеют, а бисурмане умоцняются и силу берут над христианами“, призывал к „згоде и соединению“, обещал гетману всяческую „милость“ царскую, если он добровольно со всем своим „ридерством, до власти его належачим“, отдаст себя под высокую „протекцию“ московского государя. Именем церкви Гизель просил Тукальского приложить все усилия к тому, чтобы склонить гетмана „до подданыя ся его царскому пресветлому величеству“, „абы, яко за часов апостольских, так и теперь, за часу нашего, на пострах неприятелем креста господня, множеству верующих христиан сердце было едино и душа едина“.

Центральная мысль, лежащая в основе „Синописиса“ и проникающая собой всю книгу, — мысль о том, что Украина, Левобережная и Правобережная, „обох боков Днепра“, является исконным достоянием и отчиной царя Алексея Михайловича, что „самодержавие“ ныне царствующего великого государя Московского и царя всея России является продолжением „самодержавия“ князей киевских, что Москва — прямая наследница и преемница древней столицы „державы Российской“ — Киева. Идея эта предопределила собой и самый план книги и самый отбор исторических фактов, подлежащих изложению. Автор „Синописиса“ менее всего руководствовался желанием предложить вниманию читателя „учебник“ общерусской истории. В центре его изложения — Киевское государство, его историческая судьба, его князья („о них же найпаче слово“). История „Великой“ и „Малой“ России излагается автором только в той мере, в какой это было необходимо для связи его рассказа о далеком прошлом с текущей современностью. Даже о событиях Галицко-Волынского княжества в книге упоминается вскользь. Сообщая о событиях этого княжества, автор счел нужным специально оговориться: „Галицкое княжение или царствие того ради zde предложися, яко и Киевское самодержавствие пренесено быст к нему“ (стр. 105). Автора интересует прежде всего начальный момент в истории Российского государства — становление российского „самодержавствия“.

В полном соответствии с этим замыслом автор „Синописиса“ и начал свое повествование с рассказа „о преславном верховном и всего народа Российскаго головном граде Киеве и о начале его“.²

В истории Киевского государства автор четко различает два периода: древнейший, когда городом и страной управляли местные князья, и

¹ Акты Южной и Западной России, т. XI, СПб., 1879, стлб. 267—270.

² Составляя свой обзор истории Киевского государства, автор „Синописиса“ широко пользовался, как свидетельствуют ссылки на полях книги, не только русскими источниками, но и польскими (в первую очередь данными „Kroniki“ М. Стрыйковского). Вопрос об источниках „Синописиса“ еще ждет своего исследователя.

период с 861 года, когда местных князей сменили князья варяжские, Рюрик и его преемники.

Основание киевскому „самодержавию“ положили три родных брата — Кий, Щек и Корев, или Хорев, „князие Российские“. По утверждению автора, пришли они к берегам Днепра „по благословению и пророчеству“ самого апостола Андрея — „от диких поль с славяны великими и zelo храбрыми народы“ — и стали здесь, на берегах Днепра, „грады и места тишайшаго ради жития и прибежища созидати“. Кий основал и построил город Киев; ссылаясь на свидетельство М. Стрыйковского, автор „Синописа“ предположительно возникновение города относит к 430 году. Щок или Щек построил город недалеко от Киева — Щекавицу или Щковицу, тоже „от своего имени“; Хорев — город Хоревуцу („потом Вышгород прозвася“). Построила город „на пригорку высоком“ и их сестра и назвала его в честь своего имени — Либедь. Кто после этих князей „природным свойством господствовал“ в земле Киевской, автор „Синописа“ не называет: „Аще бо и наследники останася, но неведоми бяху писанием, зане прост народ бысть, писания не умеющий; аще же о них и было что написано совершенно, и тому чрез частыя и великия брани нужда бысть погибнути“ (стр. 18). Последние представители этой династии князей — Аскольд и Дир. Одно время они жили у Рюрика в качестве его „нарочитых мужей“, так как никто в Новгороде не знал, что родом они — „от колена основателя и перваго князя Киевскаго Кия“. Затем они отпросились у Рюрика итти „с роды своими“ в Царьград. По пути туда они увидели город на берегу Днепра. Когда они узнали, что это — Киев, они остались в нем и „начаша владети ту и обладати всею тою Киевскою землею“ как законные князья. Со смертью Аскольда и Дира династия „свойственных“ князей в Киеве кончилась.

Приступая к рассказу о появлении новой династии князей, автор „Синописа“ сообщает, что „росси“ жили не только на берегах Днепра. Другие „росси“, „естеством“ единые с поднепровскими, жили „в Полунощных странах над озером Илмером“ и „над Волховою рекою“. Здесь они построили себе город Новгород Великий, избрали себе в князья „некоего мужа нарочита“ — „от среды себе“ — Гостомысла. „Егда же в велицем междоусобии и многом нестроении Российскии народы быша, не согласующеся в избрании от среды себе властелина“, Гостомысл посоветовал им послать к варягам и звать на „княжение Росское“ трех братьев, „иже бяху князи изящнейшии и в храбрости воинской изрядни“, — Рюрика, Сенеуса, или Синеуса, и Трувора, или Тривора. Так, излагая события в соответствии с летописным преданием, автор „Синописа“, однако, в вопросе о происхождении этих князей решительно разошелся с летописным рассказом; по его утверждению, варяги, живущие „над морем Балтийским, еже от многих нарицаются Варяжское“, и там свои „селения“ имеющие, — не чужеземцы, но „языка славенска бяху“ (стр. 20). Рюрик, Синеус и Трувор пришли и приняты были „от всех россов с великою радостью и благодарством“. Они разделили между собой на три части „государство Руское“, им „доброволно от народа доброволнаго поданое“: старейший брат Рюрик „восприят себе княжение Великоновгородское, а столицу свою на острове езера Лагоды заложит“; Синеус „объят страны Российския над Белым озером“, а Трувор „восприят княжение Псковское“. От Рюрика и сына его Игоря Рюриковича и пошли все прочие российские князья, северные и южные. От них же по прямой линии ведут свое родство и „великие князья Московские“, вплоть до царя Алексея Михайловича (стр. 23).

Сама по себе идея преемственности власти киевских князей московскими великими князьями и царями была уже не нова, для русского читателя во всяком случае. В борьбе за централизованное Русское государство московские публицисты уже в XV—XVI веках не раз писали о праве московских князей на киевское наследство, о прямом происхождении московских великих князей от князя Владимира. Новостью в „Синописе“ явилась попытка обосновать и это право, и эту преемственность не только генеалогическими данными, родословием царей и великих князей московских, но и идеей кровного родства народов „Великой“, „Малой“ и „Белой“ России, теорией единства „славяно-российского“ народа. Обоснованию этой теории автор „Синописа“ посвятил всю вступительную часть своей книги, предшествующую обзору исторических судеб Киевского государства.

Не излагая подробно концепции автора, во многом фантастической, основанной преимущественно на историческом баснословии польских хронистов, отмечу только одно его положение, наиболее обстоятельно изложенное в разделе „О народе Роксолянском и о наречии его“ (стр. 9—11). „Росси“ носят разные названия. Однако различие названий еще не дает права отрицать единство „славяно-российского“, или „роксолянского“, народа. Это различие возникло исторически — в процессе расселения „славяно-российского“ народа из его прародины. В процессе расселения отдельные ветви этого единого народа, „по времени умножающиеся и по различным местех вселяющиеся“, приобрели иные имена, — „от рек, лесов, приметов, поль, от дел и от князей своих“: полочане — „от реки Полоты“, донцы — „от Дону“, запорожцы — „от Запорожя“, казаки — „от славнаго своего давнего некоего вожда, прозвищем Козака“, древляне или полесяне — „от древес или от лесов густых“, поляне или поляки — „от поль“, северяне — „от страны Северския, над Десною и Сеймом реками седшия“, Москва-народ — „от Мосоха, праотца своего и всех славенороссов, сына Афетова“ и пр. Названия разные, народ один и тот же, как один язык, на котором говорят все ветви этого народа, несмотря на диалектные различия („аще в неких странах мало что в словесех и прменися, обаче единым славенским языком глаголют“, — писал автор). Утверждая кровное „свойство“ полочан и донцов, казаков и „Москвы-народа великаго“, автор „Синописа“ одновременно не менее обстоятельно развивал мысль, по которой самое название „Русь“, „россы“ — исконное название славян, по автору, не только восточных, но, как следует из его рассказа, несколько сбивчивого и не всегда последовательного, и западных. Название это славяне приобрели еще в глубокой древности, „широко и различно селенми своими“ расселяясь по многим странам. От своего „россеяния“ по разным местам они с течением времени и получили прозвище „россеяны“, а потом „россы“ (стр. 9).

Патриотической гордостью проникнуты строки „Синописа“, где речь идет о происхождении и славном прошлом этого народа. Происхождение „славяно-российского“ народа автор возводил к временам доисторическим и „праотцем“ его считал библейского Мосоха, сына Афета, внука Ноя. Говоря о высокой культуре этого народа, автор не преминул заметить, что народ „славяно-российский“ „нача писание и книги имети и деяния своя исписовати“ еще в 790 году, задолго до поляков, которых он в этом отношении опередил на двести девять лет, что крещение он принял также задолго до поляков, в первый раз непосредственно от самого апостола Андрея Первозванного, когда тот посетил горы киевские и Новгород Великий. Выпуская в свет третье

издание своей книги, автор „Синописа“ дополнил ее специальной статьей — „О свободе или волности Славенской“ (стр. 4—6). В статье этой — она представляет собой почти дословную выписку из „Палинодии“ З. Копыстенского¹ — автор утверждал, что в древности власть „славяно-росская“ — „и Рыму досязаше“: „князь некий Славяно-росский Одонадер, войною доставши Рыма, держаше его под властью своею лет тринадесят“, что народ „славяно-росский“ помогал Александру Македонскому „подбивати под власть света сего державу“ и так был страшен и силен, что его боялся даже сам Август кесарь.

Свидетель роста политического могущества Русского государства, уже перерастающего в абсолютную монархию, одной из сильнейших держав в Европе во второй половине XVII века, автор „Синописа“ дал в своей книге своеобразную ретроспективную апологию „самодержавия“ царя Алексея Михайловича. Русский исторический процесс рисуется автором как непрерывный процесс развития одного и того же политического правопорядка, как непрерывный ряд — от Владимира Святого, „всяя России перваго самодержца“, до последнего — царя Алексея. Менялись государственные центры, столица переносилась из одного города в другой, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву, но политический строй оставался неизменным. По словам автора, уже киевская княгиня Ольга „благоразумно“ правила державою Российскою, „аки крепчайший монарха или самодержец“ (стр. 26).

Стремясь подчеркнуть непрерывность развития „самодержавия“ в России, автор „Синописа“ специально отметил, что город Владимир на Клязьме был основан еще князем Владимиром, когда он, распространяя христианство и сокрушая кумиров, ездил „в страны Суздальския и Ростовския“; по утверждению автора, уже Владимир сделал попытку „престол свой царский“ перенести из Киева в новосозданный им город (стр. 71). Окончательно „престол царский“ был перенесен с юга на север при московском князе Иване Даниловиче, по воле которого столицей Российского государства стала Москва. В разделе „О наречии Москвы-народа и царственного града“ автор „Синописа“ писал об этом, как о событии величайшего исторического значения: „И тако величеством славы престола княжения, от Владимира града принесеннаго, богоспасаемый град Москва прославися и прародительное в нем имя Мосоха в народе Российском отновися, еже неувадаемою в веки памятию цветущи, изряднее же благодатию божиею от силы в силу и от славы в славу преспевая, на высочайший степен самодержавнаго царствия востече и благочестием, силою и мужеством православных царей, наипаче великими чудесы святых российских московских чудотворцев, на высоту добродетелей возвысившися, яко солнце по вселенней просветися и паче иных сияет“ (стр. 13).

С той же целью показать прямую преемственность московскими царями власти киевских „самодержцев“ автор „Синописа“, излагая историю княжения Владимира Мономаха, включил в свое повествование широко известный в русской литературе с начала XVI века рассказ о бармах Мономаха — с теми поправками к нему, которые были сделаны в его время. Когда Владимир „с великою силою“ пошел походом на Царьград, кесарь греческий Алексей Комнин, видя, „яко не может противу стати великой силе российской и изрядной храбрости Владимировой“, послал ему грамоту с просьбой о вечном мире и многоцен-

¹ Ср. Памятники полемической литературы в Западной Руси. I. Русская историческая библиотека, т. IV. СПб., 1878, табл. 1101—1104.

ные дары: „крест от самага животворящего древа креста господня, с всякою драгостию съделанный“, венец царский „от главы своея“, ожерелье, или „гривну“, „юже сам на порфире своей царстей носяше“, „чеп от злата аравийска“. Посланники, митрополит Эфесский Неофит, епископ Милитский и другие сановники, не ограничились поднесением даров; действуя в соответствии с полученным ими от кесаря указанием, они увенчали Мономаха венцом царским. „И отसेле, писал автор „Синописа“, комментируя этот факт, — великий князь Владимир Мономах царь Российский нарицашеся и по нем наследники его; от них же все то достояние царское милостию божиею и до ныне при великих царех и великих князех Московских и всея России самодержцех достойно и праведно содержится“ (стр. 91).

Век Владимира Святого — век полного расцвета Киевского государства. В державу Владимира уже входила вся Российская земля: Киев, Новгород Великий, Псков, Смоленск, Полоцк, Туров, Ростов, Владимир на Клязьме, Муром, Тмутарокань, Волынь, Луцк. При нем окончательно утвердилась вера христианская в Русской земле. При нем земля Русская достигла небывалого могущества и славы. „От корене Августа кесара римскаго, владевшаго всею вселенною“, он первый из киевских князей стал писаться „царем и самодержцем всея России“. Достойным преемником его был и Владимир Мономах — „первовенечный царь Киевский“. Он так же, как и его славный прадед, — „междоусобие всякое в Российских князех усмири и в самодержавии приведе“ (стр. 88).

После смерти Мономаха, по концепции автора „Синописа“, начинается период постепенного упадка Киевского царства. Первый серьезный удар нанесли ему татары — они взяли Киев и „все государство Киевское нивочто обратиша“ (стр. 108); второй удар — литовцы в 1321 году, когда Гедимин князь литовский „взя в свою власть“ Киев и когда „преславное самодержавие Киевское конечне уста“ (стр. 116); третий и последний удар — поляки в 1471 году, когда король польский Казимир „царственный град Киев и княжение его в воеводство премени, Мартина же Гаштолта Литвина воеводу в Киеве предложи и утверди“ (стр. 119).

Причину этого полного „уничужения“ Киевского „самодержавия“ автор „Синописа“ видел, как следует из всего его повествования об этом периоде, в том же, в чем усматривал ее и Иннокентий Гизель, характеризуя современные ему „оплаканые часы“, — в „незгоде внутренней и разделении“.

Сторонник сильной единодержавной власти в стране, автор „Синописа“ сурово осудил эту „незгуду“ и в прошлом. С негодованием пишет он о Святополке — убийце родных братьев Бориса и Глеба, о его попытке „самоволно“ сесть на киевском престоле после смерти отца. Он порицает Ярославичей, Святослава и Всеволода, за изгнание брата Изяслава из Киева, — даже Владимира Святого за усобицу в начале его княжения. С нескрываемым раздражением пишет он о „нестроении“, наступившем вскоре же после смерти Мономаха. Вся история Киевского государства после смерти Мономаха, в изображении „Синописа“, — история сплошной „междоусобной брани“, история того, как один князь другого „от престола изгоняху“. В княжеских распрях этой эпохи автор видит только одно: „зависть“, „богомерзкую похоть господствования“, „наваждение душевнаго врага“. Он с возмущением говорит о поступке Всеволода Ольговича Черниговского, изгнавшего из Киева законного князя Вячеслава Мономаховича, о „лести“ Всеволода Чер-

много, „восхитившего“ престол у Рюрика Ростиславича. Заметно и его явно неблагожелательное отношение к князьям галицко-волынским — Роману и Данилу. Романа он сурово осуждает за его поступок с киевским князем Рюриком Ростиславичем, за его желание „быти нарицаем всея России самодержец“, за его попытку перенести столицу „Российскаго самодержавия“ в Галич; этим он подал повод к „нестроению и спору“ среди князей, а затем и к оккупации „престола Российскаго самодержавия“ венграми. Холодно и сухо пишет он и о Даниле Романовиче, бегло перечисляя основные события его княжения (основание Львова, венчание на королевство, почтение от Батюя). Роман и Данило „писались“, по словам автора, „самодержцами всея России“, однако своей политикой отмежевания от Киева, своим стремлением перенести центр политической жизни из Киева в Галич они посеяли в стране „разделение“ и тем самым только ускорили конечное „уничужение“ Киевского государства.

Период упадка Киева теперь, в наши дни, писал автор „Синописа“, закончился, когда двадцать лет тому назад, в 1654 году, сам бог царю Алексею „искони вечную скипроносных прародителей его отчину царственный той святой град Киев в его скипроносныи царский руке, яко природное царское его присвоение возврати“. Древняя столица „Российскаго самодержавия“ теперь снова обрела, после долгих лет „уничужения“, свое первоначальное „царственное бытие“. На будущее автор смотрит оптимистически. Он уверен, что для Киева наступают новые времена. Возвращение Киева его законному наследнику — знак того, что „милость господня с небесе причине на первоначальный всея России царственный град Киев и начат его обетшалу оную скипроносную державу, яко орлю юность обновляти“ (стр. 120—121).

Обращает на себя внимание более чем сдержанное отношение автора „Синописа“ к шляхетской Польше. Печальная роль, какую сыграла Польша в истории Киевской земли, подчеркнута автором везде, где только материал давал для этого повод. Короли польские, „гетманы“ и „сенаторы“ не раз разоряли Русскую землю. Они ссорили князей между собой, стремясь ослабить страну и вызвать в ней „разделение“. Они, наконец, явились главными виновниками „уничужения“ Киевского „самодержавия“, постепенного превращения его „от царствия в княжение, а от княжения в воеводство“. Наиболее показателен в этой связи рассказ „Синописа“ о князе Ярополке Владимировиче, как он „прелщен“ был от Петра Влостовича — „сенатора“ короля польского Болеслава Кривоустого.¹ Этот Петр Влостович, когда король „с своими сенаторами“ обсуждал вопрос о нападении на Русское государство, предложил захватить Ярополка „лестью“ — „наипаче тайным промышлением, нежели явною войною“. С согласия короля он бежал на Русь, „аки бы разграбленный и изгнанный з отчизны своей“. Здесь он вкрася в доверие к Ярополку, в его „тайные советы“ и „верное дружество“, непрестанно укоряя Болеслава „хулными словесы“. Однажды Ярополк поехал в свое загородное село с немногочисленными людьми, вместе с ним отправился туда же и Петр Влостович. Когда Ярополк „в малой дружине“ сел обедать, Петр Влостович привел в исполнение свой коварный умысел: он схватил Ярополка, связал его и, „на коня

¹ О происхождении этого рассказа, отсутствующего в русских летописях, см.: П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е, СПб., 1913, стр. 8.

возложив, аки агнца“, побежал в Польшу, „имея на сие дело везде коне розставленныи и перевозки на реках уготованныи“. Болеслав щедро награждал Петра, а Ярополка заключил под стражу. В первом издании „Синописиса“ этот рассказ изложен кратко; подготавливая к печати третье издание, автор счел необходимым изложить его подробно и дополнить рассказом о том, как Ярополк позже отомстил Болеславу. Очень возможно, что сделал это автор „Синописиса“ с целью подчеркнуть характерную в последние годы тактику по отношению к России современного ему польского короля Яна Собесского: действовать также „наипаче тайным промышлением, нежели явною войною“. Рассказ мог напомнить читателю и события начала 1676 года, когда польский король, на словах уверяя московского государя в дружбе, на деле уговаривал турецкого султана и крымского хана начать войну с Русским государством, и события начала 1678 года, когда польский король возобновил 26 марта сепаратный мирный договор с турецким султаном и тем самым дал последнему возможность начать наступление на Украину.

Третье издание „Синописиса“ подготавливалось к печати в дни русско-турецкой войны 1677—1678 годов, когда Украине и ее столице Киеву угрожала серьезная опасность. Неудивительно, что рассказ о войне 1677—1678 годов, написанный по свежим следам событий, взволнованный и подробный, занял в „Синописисе“ большое место. В особенности обстоятельно изложил здесь автор „Синописиса“ историю второго похода турецкого султана, „лжи отца внука“, под Чигирин, четыре года тому назад присоединенный к России после капитуляции гетмана Петра Дорошенко. Излагая историю этого похода, автор рассказал и о мужественной обороне города чигиринским гарнизоном под руководством воеводы Ивана Ржевского, и о „преславной победе“, одержанной 3 августа 1678 года русскими и казацкими войсками на так называемой Чигиринской горе, и о том, как в результате этой победы турецкий верховный визирь Мустафа-паша „от презельных туги и стыда“ едва „богохульные души своя не испроверже“, и о пожаре Чигирина, и о кровопролитной битве на Бужинском поле у Днепра.

Сообщая о событиях 1678 года, автор „Синописиса“ не скрыл того обстоятельства, что русские войска вынуждены были оставить Чигирин под натиском превосходящих сил противника и отступить на другие позиции. Не скрыл и того факта, что война с турками стоила больших жертв и что русскому войску у Бужинского перевоза на Днестре пришлось выдержать бой, „еликий нынешнего веку не бяше виденый“. Описание этого боя — одна из наиболее патетических страниц „Синописиса“: „Тамо бо гласы до небес возвышахуса от превелика клича безчисленных воев! Тамо солнце затмися ради прегуста дыма, от огненныя стрелбы возходяща! Ту воздух помрачися от праха земли, конскими копытами горе возбиеннаго!.. Ту стрелы от многочисленных луков испущенныя, яко прегустыя капли дождевныя! Тамо куле от великия и меншия стрелбы, яко огненный град исхождаху! Тамо гласы стрелбы огненныя, аки страшныя громы слышахуса! Ту мечи обнаженныя, аки молния блещахуса!..“ (стр. 209—210).¹ Однако война, в оценке автора „Синописиса“, всё же закончилась несомненной победой войска русского и запорожского. Победа была одержана благодаря „стройному управлению“ командования и благодаря доблести русской и запорожской рати. По утверждению автора, турки, видя, „яко уже отнюд невоз-

¹ Здесь и ниже текст цитируется по 3-му изданию „Синописиса“ (Киев, 1680).

можно стерпеть сильные храбрости и крепкого мужества воев христианских“, от превеликого страха обратились вспять — „на вечный студ свой и всенародное поношение“.

Третье издание „Синописа“ вышло в свет в 1680 году. Но автор еще успел несколько продолжить свое повествование о русско-турецкой войне — до начала 1679 года. В январе этого года стало известно, что весной султан снова предполагает идти походом на Украину. Царским правительством были приняты срочные меры для защиты Киева. Туда были отправлены с войсками князь М. А. Черкасский, боярин Б. П. Шереметев, боярин А. С. Хитрово, князь М. Ю. Долгорукий и многие другие воеводы; туда же по царскому указу отправился и гетман Иван Самойлович с войском запорожским и сыном Григорием. Об этом и рассказывает автор „Синописа“ в последнем разделе книги. Здесь он перечислил имена всех бояр и воевод царской рати, пришедшей в Киев, а также имена „енеральной старшины“ и полковников войска запорожского, картину описал смятение турецкого султана: проведая „о толиких силах его царского пресветлаго величества и о всякой готовности их ко брани“, султан, змее уподобляясь, то прятал в страхе свою голову, „нарочно утаевая поход свой“, то снова приподымал ее, тщетно испуская дерзновенные „гласы“. Подробно сообщил автор о том, что было сделано царскими войсками и казаками для обороны Киева: как они, „да не праздно, ниже уныли на службе государевой, в толиком собрании и замедлении суще, обрящутся“, под руководством царского стольника Стефана Ивановича Янова построили мосты на Днепре, „пространные и крепкия“, на стругах, на якорях и на канатах, „удобнаго ради и скорейшаго перехода противу супостатов“, как обнесли они город и даже церковь Печерскую соборную многими крепкими валами.¹

Рассказ „о приходе множественных сил царских и войск запорожских к Киеву“ (стр. 211—223) бросает свет на замысел и предшествующего рассказа о войне 1677—1678 годов. И тот и другой были написаны с целью показать, что Украина находится в надежных руках, что царь Федор Алексеевич не даст в обиду свое „царское присвоение“, что для паники и тревоги нет никаких оснований. И тот и другой должны были успокоить общественное мнение и уверить его в том, что теперь „Малая“ Россия, под державной защитой русского государя, может жить в мире и тишине, ничего не опасаясь, „всякия исполненна надежды“.

Заканчивается „Синопис“ в третьем издании (в окончательной своей редакции) благодарностью царю Федору Алексеевичу за его „промышление и попечение“ о „Малой“ России и добрыми пожеланиями державе Российской и „православному воинству“. Державе Российской автор желает всяческого процветания, воинству — мужества, храбрости и силы „на одоление бесурманов, на искоренение твердынь их поганских“ и даже „на истребление всего рода их нечестиваго, или на привращение поганьскаго их господства под православнаго монархи его царскаго пресветлаго величества благополучное царствование“ (заветная мечта всех украинских публицистов той эпохи).

¹ В состав „Синописа“ третьего издания вошла, как известно, широко популярная в русской литературе „Повесть о Мамаевом побоище“. По словам автора, придававшего первостепенное значение борьбе с „бесурманами“, он специально напечатал эту повесть, — „да и прочии христоименити вой, ревнующе толикому древних ветязей храброму против нечестиваго Мамаю мужеству, дерзновенно и сами подвизаются на врагов креста святого, силою на нем пригвожденнаго Христа господа укрепляеми“ (стр. 123—124).

„Синописис“ вышел из стен Киево-Печерской лавры, и это не могло не сказаться на его содержании: в книге немало страниц, где автора — историка и публициста — сменяет монах проситель царской „милости“, озабоченный прежде всего благополучием своей обители. Это обстоятельство, а также некоторые недочеты книги историографического порядка (увлечение баснословием польских хронистов и пр.), обратившие на себя внимание уже Петра I,¹ не снижают, однако, ценности „Синописиса“ как памятника общественной мысли своего времени.

В совместной борьбе русского и украинского народов за воссоединение Украины книга сыграла свою роль, и очень заметную. Достаточно указать на тот факт, что русское правительство уже в дипломатической переписке, предшествующей миру с Турцией 1681 года, не раз приводило, доказывая свое право на Украину, те же доводы, что и „Синописис“,² нередко почти дословно цитируя его текст.

---

¹ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 317.

² См.: Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II. Изд. МГУ, М., 1946, стр. 143, 149, 163.